

RFE/RL (RFE/RL)

Адвокаты Григория Жерновков и Мария Бонцлер Фото:RFE/RL (RFE/RL)

РИФМЫ ИСТОРИИ

Дело адвокатов. Проект "Рифмы истории"

30 июля 2026

Андрей Филимонов

В новом проекте "Рифмы истории" мы рассказываем о сходстве в судьбах людей, которые в советской и нынешней России бросали и бросают вызов системе, делая свой нравственный выбор в пользу несогласия с "политикой партии и правительства" и поступая по совести. Очень часто это не известные политики и не профессиональные диссиденты. А просто люди, которые не могут иначе, даже когда большинству кажется, что сопротивление совершенно бессмысленно.

Проект [Сибирь.Реалии](#) и [Север.Реалии](#)

Открываем проект рассказом о судьбах двух адвокатов: Григория Жерновкова, который в одиночку противостоял сталинской системе, и Марии Бонцлер, которая не сгибается, находясь сейчас за решеткой в путинской России.

| "Так уже было и не раз в истории этой страны..."

В 1928 году новосибирский адвокат Григорий Жерновков, арестованный за якобы создание "юридической оппозиции" советской власти, пишет саркастическое "письмо из-за решетки":

"Граждане и товарищи из ОГПУ! Вы не правы, преследуя меня, и если ваши сомнения в моей политической и революционной добропорядочности сомнительны (ст. 104, 104 УПК и проч.), то не мешайте тогда мне, при всех моих невзгодах личных, сохранять общественно-жизнерадостное умонастроение и горделивое сознание современника "великих сдвигов" человечества на земле и быть дерзким на слово, где следует, даже не скрываясь при этом вашей любознательности.

Ваше дело – делайте, товарищи, но только поскорее. Нельзя же так долго (7 дней!, а мне уже 53 года, пора спешить подводить итоги моей мятежной жизни) авансом мариновать меня в клоповнике, около "параши", которая, кажется, сведет меня с ума..."

Тогда, на втором десятилетии советской власти, людям ещё казалось, что "7 дней в клоповнике ОГПУ" – это слишком много. Жерновков не знал, какие испытания ждут его впереди, когда он бросит вызов всей сталинской системе, подав на нее в суд за "раскулачивание" его отца. Это будет по-своему исторический процесс, в котором провинциальный юрист, вооружённый только знанием законов, попытается доказать советской власти, что она неправа.

Public domain

Григорий Жерновков, фото из последнего уголовного дела. 1938

Летом 2026 года в Калининграде проходит судебный процесс над адвокатом Марией Бонцлер. В адвокатуру она пришла из правозащитного движения. Во время Первой чеченской войны Мария создала региональный Комитет солдатских матерей, занимавшийся защитой призывников и военнослужащих от произвола командования и "дедовщины", а также расследованием гибели солдат срочной службы. В 2013 году Бонцлер стала лауреатом премии Московской Хельсинкской группы "за отстаивание прав человека в судах". Теперь ее саму судят по обвинению в "государственной измене". Якобы она передала представителю иностранного государства сведения, "полученные в результате осуществления адвокатской деятельности".

Близкий родственник Марии Бонцлер (*мы не называем имя из соображений его безопасности*) рассказал корреспонденту Север.Реалий, что вокруг ее имени в Калининграде нагнетается истерическая атмосфера. На уличных экранах крутят ролик о "задержании украинской шпионки" с видео из зала суда над Бонцлер. Телеграм-канал "Пистолет Макарова Z" посвятил ей [пост](#) "Госизмена длиной в жизнь", где говорится, что она давно "стала любимым адвокатом всех калининградских русофобов, включая нациста Оршулевича (ездившего в Киев браться с террористами "АЗОВ"), навалыня и прочих представителей "пятой колонны" Запада в Калининградской области".

Courtesy Photo

Мария Бонцлер по видеосвязи в суде, лето 2026 года

Процесс по делу о "госизмене" проходит в обстановке такой строгой секретности, что у обвиняемой нет возможности знакомиться с некоторыми материалами собственного дела. Они засекречены. И это не единственный абсурд в деле Бонцлер. Адвоката, которого она выбрала, отстранили от дела, без ее согласия суд предоставил ей адвоката по назначению, о котором она не просила. В письме из СИЗО Мария рассказывает эту кафкианскую историю:

"Таковой адвокат на суд явился, я от него отказалась дважды. Но судья решила проводить суд без моих защитников по соглашению, в присутствии адвоката-дублёра. Тогда я заявила судье, что участвовать в этом фарсе не желаю и сама отключилась от видеоконференции, далее суд продолжился без меня. Судья, прокурор, защитник-дублёр "сообразили его на троих". Это новое слово в судопроизводстве: и правда, зачем вообще там адвокаты по соглашению, всякие там подсудимые, если можно взять любого стороннего адвоката (который ознакомится с делом в течение пяти минут) и дело сделано. Тогда зачем вообще вся эта имитация правосудия – просто вывести подсудимого в коридор и пулю ему в затылок. Так уже было и не раз в истории этой страны..."

Между судьбами Марии Бонцлер и Григория Жерновкова – почти сто лет советской и постсоветской истории. Казалось бы, разные эпохи, разные флаги над казёнными домами. Но в биографиях адвокатов есть сближения. В первую очередь это опыт сопротивления системе и пусть небольшие, но победы над государством в

судебных процессах. А ещё – жёсткая месть представителей власти, не привыкших соблюдать собственные законы.

| Последний областник

Григорий Жерновков родился в 1876 году в семье сибирского священника. Закончил Томскую духовную семинарию, но не захотел служить в церкви и поступил на медицинский факультет Томского университета. Через год разочаровался в профессии врача и перевёлся в Казань на юридический.

Как представитель казанского студенчества был в Петербурге в день жёсткого разгона студенческого митинга 1899 года. Согласно донесению полицейского агента, "на убеждения полиции прекратить беспорядки Жерновков наносил ей оскорбления словами".

Через два дня он подал прошение на имя ректора Казанского университета:

"Желая присоединить себя к той половине интеллигентного русского общества, человеческое чувство которого оскорблено и возмущено бесчеловечною, зверскою расправой Петербургской жандармерии с беззащитной публикой, покорнейше прошу исключить меня из числа студентов".

Диплом юриста Жерновков получил спустя несколько лет в Томске, прослушав перед этим курс в парижской Высшей русской школе обществоведения и естественных наук.

Константин Голодяев (Courtesy Photo)

Гостиница "Метрополь" на Гудимовской улице. Новониколаевск. Начало XX века.

С 1906 года жил в Новониколаевске (будущем Новосибирске), где являлся одной из центральных фигур городской общественной жизни: журналист нескольких газет, присяжный поверенный, гласный городской думы, один из основателей краеведческого музея.

Политическим кредо Жерновкова было областничество – идея автономии Сибири. Он пишет программные статьи и проект конституции "Сибирского Союза Вольных Штатов". После Февральской революции 1917 года вместе с единомышленниками создаёт "Сибирский союз независимых социалистов-федералистов", единственную в России партию областников. Правда, на выборах в Учредительное собрание она не имела успеха.

После Гражданской войны Жерновков отходит от политической жизни, работает юрисконсульт, в годы НЭПа возвращается к адвокатской практике. Он разделяет идеологию так называемого "советского областничества", утверждая, что новая власть фактически реализовала идеи Потанина и Ядринцева об автономии Сибири путём создания Сибирского края. Но даже публичное выражение лояльности не может спасти "последнего областника". В январе 1928 года Жерновков арестован вместе с другими новосибирскими адвокатами по обвинению в "антисоветской деятельности".

Новосибирский историк Сергей Папков, изучавший дело, называет его "спецоперацией по уголовно-политическому преследованию адвокатов в Сибири со стороны ОГПУ, завершившееся погромом их профессиональной организации".

В своей статье Папков опубликовал "совершенно секретный" Меморандум ОГПУ по Сибкраю от 16 января 1928 года, в котором говорится:

"Разработкой Ново-Сибирской Коллегии защитников установлено, что таковая в своем подавляющем большинстве представляет собой скопище антисоветского элемента, формирующего "юридическую оппозицию" Советской власти".

Далее в Меморандуме перечисляются примеры враждебных происков "юридической оппозиции". Жерновков защищает монахинь Тихвинского монастыря, которых выселяют из обители по ордеру Бийского исполкома:

"Его антисоветская деятельность в основном заключается в следующем: летом 1927 г., когда Бийский Окрисполком 50 взялся за выселение из б/ Тихвинского монастыря монашествующих, настоятельница монастыря обращается за помощью к Жерновкову, говоря о тяжелом положении, в котором она с сестрами оказалась. На это ЖЕРНОВКОВ советует не терять надежды, так как действия власти, по его мнению, незаконны". Из совершенно секретного Меморандума ОГПУ.

В том же Меморандуме говорится, что, выступая на конференции учителей, он критикует советское законодательство и говорит, что "надо создавать самооборону и не допускать издания глупых законов нашими законодателями".

После большевистского переворота 1917 года независимая адвокатура в СССР фактически была ликвидирована. Старую присяжную адвокатуру объявили "буржуазным пережитком", новые адвокаты находились под жестким контролем властей и должны были учитывать "интересы социалистического государства". Особенно опасными для власти становились те адвокаты, которые воспринимали свою профессию буквально – как обязанность защищать человека от произвола чиновников. В 1920–1930-е годы именно они получили ярлык "юридической оппозиции" и подвергались репрессиям. Их обвиняли не в конкретных преступлениях, а в самом факте существования независимой профессиональной позиции. Защита "неправильных" людей – бывших священников, крестьян, обвинённых чиновниками, представителей старой интеллигенции – могла рассматриваться как антисоветская деятельность.

В итоге четырех адвокатов приговорили к нескольким годам ссылки. Жерновкову, по слабости здоровья, ссылку заменили трехлетним запретом проживания в

крупных городах. Из Новосибирска он уезжает в село Коурак, где живут его родители. Там он ухаживает за плодовым садом и ремонтирует дом, который вместе с отцом построил в начале XX века.

Борьба за этот дом станет главным делом Жерновкова в тридцатые годы.

| Родительский дом

В 1931 году Коуракский сельсовет постановил "раскулачить" бывшего священника, 82-летнего Ивана Жерновкова. Под угрозой принудительных работ старика заставили "продать" сельсовету дом с фруктовым садом всего за 200 рублей. Цена неадекватно низкая. Дом был застрахован годом раньше и оценён страховым агентом в 1200 рублей. Рыночная стоимость дома была вдвое выше.

Но сельсовет, состоявший, как полагалось в то время, из деревенской бедноты, чувствовал себя вправе устанавливать правила игры. Жерновкову-старшему не выплатили за дом даже двух сотен, потому что он "задолжал" советской власти "налог на бывших эксплуататоров", так называемую "троекратку" – 150 руб. на облигации займа 1-й пятилетки, ещё 150 руб. "на трактора", плюс 46 пудов пшеницы или денежный эквивалент.

Документы о продаже "потерялись". Это было установлено прокурорской проверкой, которой добился Григорий Жерновков, начавший борьбу за возвращение отцовского дома. Будучи юристом, он сумел доказать недобросовестность "раскулачивания" и корыстный интерес членов сельской администрации. Борьба Жерновкова с системой продолжалась четыре года. Местные власти как могли тормозили расследование, материалы дознаний, проводимых прокурорскими работниками, бесследно исчезали из дела. Жерновков пережил нервный срыв и больше года провёл в психиатрической больнице. Но добился победы – в 1935 году Коуракский райисполком получил распоряжение районной милиции о возвращении "бывшему попу" и "лишенцу" И. И. Жерновкову его собственного дома.

Однако райисполком не собирался выполнять предписание милиции. Было выпущено постановление о том, что дом Жерновкова-старшего реквизирован местной властью, поскольку "выстроен на общественные средства, собранные с населения" (по советским законам считалось, что священник "эксплуатирует" своих прихожан, заставляя их делать пожертвования). Таким образом, дело о незаконности отчуждения дома утратило актуальность. Социалистическая "законность" растоптала классового врага.

Потерявший свой родной дом Жерновков-старший умер в мае 1937 года в возрасте 88 лет. А в 1938 году будет арестован и вскоре расстрелян Жерновков-младший. Сталинская система мстила ему за то, что он бросил ей вызов и посмел с ней судиться. В приговоре "тройки" сказано, что Григорий Жерновков был членом "эсеров-монархической организации". Но эта фраза – простая формальность, удобный для исполнителей Большого террора репрессивный инструмент, как статьи об "экстремизме" и "госизмене", по которым сейчас в путинской России преследуют неугодных.

Члены "тройки" никогда не видели тех, кого отправляли на расстрел. Участие обвиняемого в процессе не предусматривалось. Система штамповала приговоры, а НКВД отчитывался об исполнении госзаказа на акции устрашения. Примерно как сейчас, только тогда это происходило более налаженным конвейерным способом. Коридор, подвал, пуля в затылок.

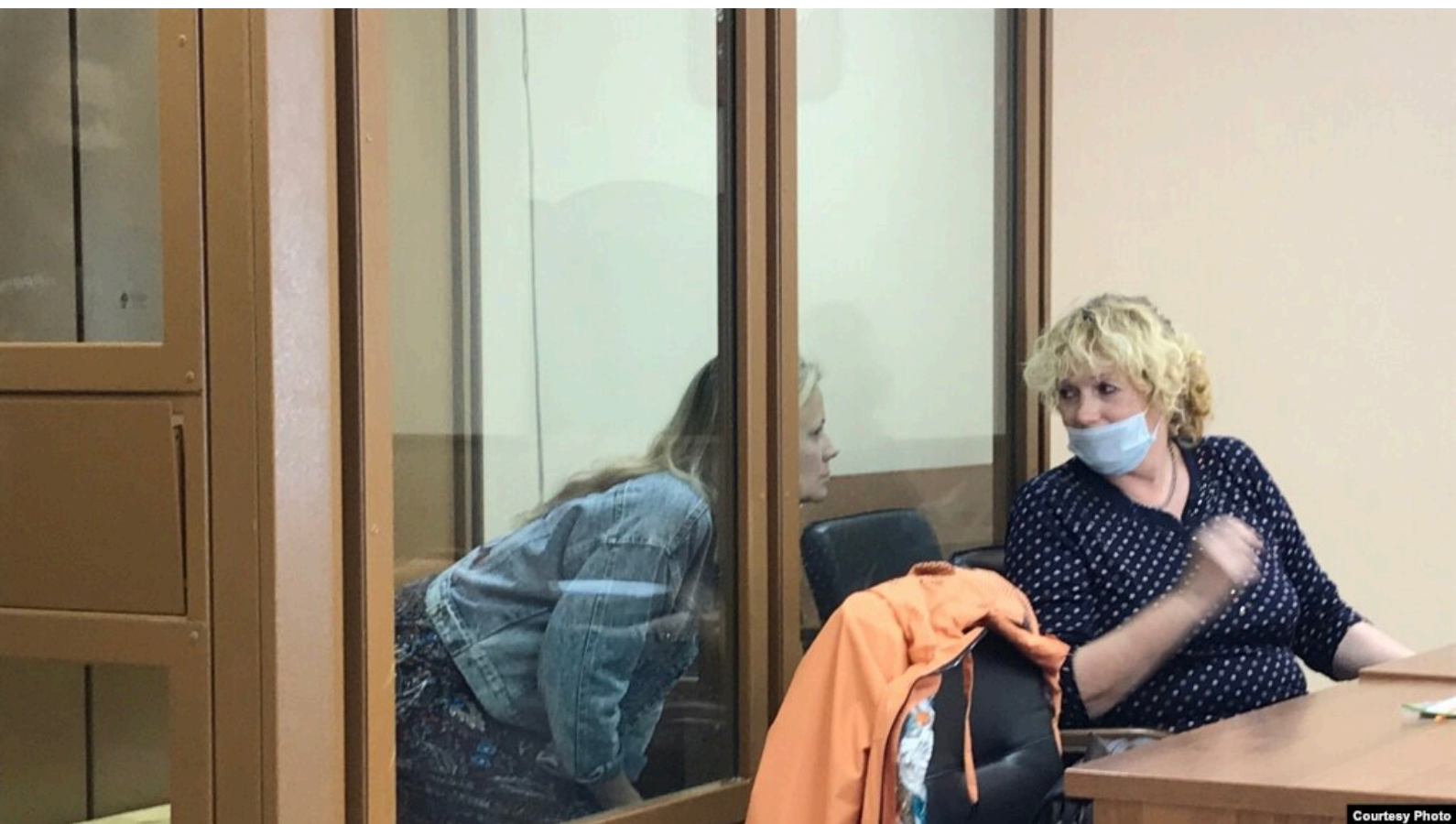
Масштаб репрессивной кампании, жертвой которой стал Жерновков, был огромным. Только в Западной Сибири в ходе так называемой "кулацкой операции" НКВД по приказу № 00447 к октябрю 1937 года были арестованы более 25 тысяч человек. Из них свыше 10 тысяч были приговорены к расстрелу. В Новосибирской области, куда тогда входила значительная часть современной Западной Сибири, "тройка" НКВД рассмотрела дела десятков тысяч людей. По завершении "кулацкой операции" были осуждены 50 541 человек, из них 10 365 приговорены к высшей мере наказания, то есть расстрелу. Приговоры выносились внесудебным органом – "тройкой" НКВД, куда входили начальник областного управления НКВД, секретарь обкома партии и прокурор. Заседания проходили без участия обвиняемых и их защитников; иногда за один день утверждались сотни приговоров. Например, 28 декабря 1937 года западносибирская "тройка" утвердила приговоры в отношении 2021 человека, из которых 1687 были приговорены к расстрелу.

|"Она имела дело со злом"

Предки Марии Бонцлер также столкнулись со сталинскими репрессиями.

– Ее дед, Григорий Федоренко, был объявлен "врагом народа" и "японским шпионом" в 1942 году. Он работал по финансовой части в Северной Осетии и отвечал за эвакуацию драгоценных металлов, когда немцы рвались к Кавказу, – рассказывает близкий родственник Марии Бонцлер. – Во время отступления потерялся грузовик с золотом. За такое полагался расстрел, но один из членов "тройки" не стал подписывать приговор. Возможно, Федоренко спасло то, что он был героем Гражданской войны. Его отправили на фронт командовать штрафным

батальоном, с которым он прошел два года войны. Позднее нашего предка реабилитировали, поскольку этот несчастный грузовик нашелся. Но все его близкие успели на себе почувствовать, что такое быть ЧСИРа́ми – членами семьи изменника родины.

Мария Бонцлер защищает политическую активистку Евгению Федулову, август 2021 года

В своих книгах Мария Бонцлер постоянно обращается к теме войны. В 2010 вышла ее "Пьета. Скорбь матери над телом убитого сына" – сборник документальных историй о погибших из-за армейской системы солдатах и о том, как их родители добивались справедливости.

Как защитник Мария всегда старалась отобрать у армейского левиафана как можно больше его жертв. Однажды, узнав о том, что призывника собираются держать в трюме уходящего в море корабля, Бонцлер около пяти утра приехала в порт вместе с представителем прокуратуры и успела освободить юношу.

Yulia Paramonova (RFE/RL)

Мария Бонцлер

"Бонцлер имела дело со злом, но даже в таких условиях ей удавалось защищать мои интересы", – рассказывает калининградский писатель и блогер Николай Горелов. Мария была его адвокатом, когда против писателя завели дело о "реабилитации нацизма" из-за сатирического произведения, опубликованного во "ВКонтакте". Текст содержит монолог Гитлера: "То, что красноармейцы отстаивали сталинский режим во всей его убогости и неспособности к любому созиданию, гарантирует, что русским нечем гордиться". Следствие сочло, что произведение оскорбляет память о Великой Отечественной войне. Мария Бонцлер защищала Горелова с самого начала расследования. В июне 2020 года уголовное дело было прекращено за истечением срока давности. Во время расследования Горелова пытались отправить на психиатрическое обследование в закрытое учреждение, но этого удалось избежать.

В 2022 году Бонцлер защищала не менее 45 калининградцев, которым вменяли "дискредитацию" армии, а также была одним из адвокатов страдающего

онкологическим заболеванием активиста [Игоря Барышникова](#), осуждённого впоследствии на 7 с половиной лет за антивоенные публикации.

Игорь Барышников – фигурант уголовного дела по статье о фейках за антивоенные репосты в соцсетях

В одном из процессов, цитируя в суде слова своих подзащитных, Бонцлер дважды произнесла слово "война" – судья написала донос на адвоката, и Марию привлекли к административной ответственности по той же статье.

28 мая 2025 года Бонцлер задержали по обвинению в "конфиденциальном сотрудничестве с иностранным государством", а спустя девять месяцев следствие переквалифицировало обвинение на государственную измену. С мая 2025 года она находится в калининградском СИЗО-1, где её здоровье продолжает ухудшаться.

Мария Бонцлер страдает гипертонической болезнью сердца – со скачками давления до 230/130 и высоким риском инсульта. Тем не менее её уже 14 месяцев держат в СИЗО, поскольку прокуратура считает, что она может "оказывать

давление на участников процесса", а калининградский суд прислушивается к доводам обвинения.

29 июня 2026 года, по словам адвоката Марии Бонцлер, она едва не умерла в камере: сердце останавливалось несколько раз, температура в помещении под самой крышей СИЗО поднималась выше сорока градусов, вентиляцию на ночь отключали. Спасалась Мария только с помощью мокрой простыни, которая немного остужала тело, но быстро высыхала от жары.

Courtesy Photo

Мария Бонцлер защищает Антонину Зимину, обвиненную в госизмене, декабрь 2020

Однако, даже находясь в этом аду, Мария написала повесть "Юбилей в наручниках", которую передала через родственников в редакцию Север.Реалий. Этот автобиографический текст рассказывает о судьбе женщины, решившей стать адвокатом, потому что кто-то должен защищать людей от несправедливостей, чинимых государством.

"Ночь с 26 на 27 июля 2025 года. Сегодня мне исполнилось 65 лет. Мои сыновья Вячеслав и Александр, невестки Милочка и Ирина, внуки Олежек (15 лет) и Машенька (8 лет) и многочисленные другие долго готовились к этому юбилею. Сочиняли поздравления. Дети думали, куда мне купить в подарок путёвку, чтобы отдохнула – в Таиланд или в Египет. И вот юбилей наступил. Я лежу в больничной палате, пристёгнутая к кровати наручниками, тяжёлыми и неудобными. Рука моя давно затекла, и я её уже давно не чувствую... Встать с кровати я не могла, поэтому сползла на пол, скорчилась там, одной рукой держала на весу наручник, а правую руку держала на весу, чтобы она была приподнята в отверстии, но не касалась наручника. Так было немного легче, хотя бы не было опасности потерять руку. Кстати, когда я утром пожаловалась проверяющему товарищу майору на то, что у меня отнималась рука, он ответил, что ничего страшного, если отнимется, будем лечить ещё и руку..." – **Мария Бонцлер, "Юбилей в наручниках"**.

Такая официальная жестокость по отношению к больной 65-летней женщине вряд ли была бы возможна без традиции "классовой ненависти" в духе сталинского прокурора **Вышинского** . В несвободных странах лишение свободы часто принято усугублять пытками. В советской России эта практика укоренилась со времен создания ведомства Феликса Дзержинского, чей памятник **собираются вернуть** на Лубянку.

|"Мне страшно, но я не боюсь..."

Дело Бонцлер строится калининградским ФСБ по той же логике, по которой новосибирское ГПУ около ста лет назад громило коллегия адвокатов. И тогда, и сейчас задача одна: уничтожить профессию, напугать тех, кто остается в стране. Против адвокатов в России за 2025 год **возбуждено** около пятидесяти уголовных дел. Уехавших в эмиграцию запугивают лишением адвокатского статуса. ФСБ уже направила в Минюст список, включающий десяток известных имен, в том числе специалиста по международному праву Карину Москаленко и адвоката семьи Бориса Немцова Вадима Прохорова.

Точечные репрессии – сильный инструмент нынешней российской власти. Зачем сажать сотни тысяч "врагов народа" и тратиться на инфраструктуру нового ГУЛАГа, если можно посадить несколько сотен человек, а остальные просто замрут от страха. Но у этой стратегии есть слабая сторона. Если вдруг появляется герой, не боящийся зла и неволи, он (она) становится символом и надеждой для очень многих.

Из письма Марии Бонцлер из СИЗО:

"Я буквально сегодня прочитала биографию такого вот государственного изменника, жившего в XVI веке, митрополита Филиппа, святого мученика, который пытался защитить бедный русский народ от кровавого царя (так сегодняшней властью любимого) Иоанна IV и его опричников, по его приказу заливших страну кровью. Я, конечно же, не претендую на святость Великого митрополита Филиппа. Но словосочетание государственный изменник, мне что-то напоминает. Ах да, так это меня, адвоката-правозащитника Марию Бонцлер, пытаются сделать "государственной изменницей"! И эта "охота на ведьм" коснулась меня, 65-летней больной женщины, потерявшей сына, безутешной вдовы, и как только у них рука поднялась скажете вы? Для меня даже 10 лет тюрьмы – это фактически смертный приговор. А мне тут упорно предлагают альтернативу – вместо 12-15 лет колонии всего 2-2,5 года – надо только заключить досудебное соглашение и отдать этим новым "государственным опричникам" другого человека – моего коллегу, тоже адвоката, отца троих детей. Который почему-то им более нужен, чем я. И самое главное – уверены, что я в конце концов пойду на эту сделку, спасая свою шкуру. Интересно, в каких жизненных университетах обучались эти несчастные дети, у которых всё в понимании перевернуто: правда – это ложь; добро – это зло; предательство это любовь к Родине. Они явно не читали "Божественную комедию" Данте Алигьери. И не знают, кто содержится в девятом, самом страшном, круге Ада. А там содержатся предатели доверившихся им. Брут, Иуда и в самом центре 9-го круга, замороженный в Ледяное дно, стоит самый главный предатель – Падший ангел Люцифер, предавший самого Создателя. Так что я с честью пройду это испытание, даже если это будет стоить мне моей жизни. Пройду через все мучения, которые готовит мне судьба. Один светлый ангел завещал нам в итоге своей жизни: "Я не боюсь, и вы не бойтесь". И в его память я тоже повторяю, что трусость – это главный порок. Если кто-то думает, что мне страшно, он очень ошибается. Но испытывать страх и бояться – это разные состояния. Мне страшно, но я не боюсь..."

Courtesy Photo

Мария Бонцлер на суде из СИЗО по видеосвязи, март 2026

Мария Бонцлер в своей камере в калининградском СИЗО получает тысячи сочувственных писем со всего мира и старается отвечать на каждое. Ее новая повесть "Юбилей в наручниках" скоро будет опубликована. Рукопись заканчивается оптимистическим выводом: всего 20 процентов сотрудников "правоохранительных органов", по наблюдению Марии, являются законченными садистами, остальные – способны на человеческие чувства.

"Потому что, как бы ни была система античеловечна, жестока и глупа, ей не удаётся загасить все огоньки человеческой эмпатии, милосердия и отваги", – считает она.

...

В 1928 году Григорий Жерновков писал из камеры ОГПУ о том, что сохраняет "жизнерадостное умонастроение" вопреки аресту. Почти сто лет спустя Мария Бонцлер сформулировала ту же мысль чуть иначе: "Мне страшно, но я не боюсь".

P.S.

Во время работы над этой статьей мы написали Марии Бонцлер письмо с вопросом – как рифмуются, с ее точки зрения, сталинские и путинские времена? 4 августа из калининградского СИЗО пришел ответ от Марии:

"Разницы с репрессиями прошлого века практически нет. Как фальсифицировали, так нагло и продолжают, ничего не боятся, суды прикрывают их огрехи. А если и реабилитируют, то потом, посмертно, как у Галича: "грянули впоследствии всякие хренакции, следователь-хмурик на пенсии в Москве, а справочку с печатью о реабилитации, выслали в Калинин пророковой вдове". Мой следователь тоже, ходят слухи, уволился по выслуге лет, получив за меня подполковника. Всё как всегда. Какая же разница? Ну во-первых КПЧ ООН пока никуда не делся. И мир стал глобальным, как ни старайся всё закрыть не получается. Я написала по всему миру более 3.000 электронных писем, и весь мир в курсе моих приключений – не заткнешь! И книги я написала – тоже не заткнёшь! Какие глушилки не применяй, как процесс не закрывай, всё просачивается, и чем больше закрывают, тем больше интереса ко мне и к моему фейковому делу. И ещё, как людей сейчас не зомбируют, теперь нет антагонизма между ЗК-уголовниками и "политзаключенными" – пацаны в СИЗО, очень даже меня поддерживают, сочувствуют, даже жениха тут мне, вдове, вознамерились найти. А на сколько порядки остались ГУЛАГОВСКИМИ смотрите в моей книге, там об этом подробно".

История преследования адвок

Реалии

Radio Free
Europe/Rad...

bsk.nios.ru

ИМИТАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ 100 ЛЕТ СПУСТЯ

Этот контент также в категориях

Регионы

История.Север

Рифмы истории